

НОВЫЙ ВЗГЛЯД
НА АНТРОПОЛОГИЮ С. Л. ФРАНКА*

Рец. на: *Элен П. Онтология и антропология С. Л. Франка / А. С. Цыганков, пер., Н. П. Волкова, ред. М.: ИФРАН, 2017. XIII + 149 с.*

ANTHROPOLOGY OF SEMYON FRANK:
A NEW PERSPECTIVE

Rev. op.: *Элен П. Онтология и антропология С. Л. Франка / А. С. Цыганков, пер., Н. П. Волкова, ред. М.: ИФРАН, 2017. XIII + 149 с.*

Рецензируемый перевод работы немецкого ученого Петера Элена (Высшая школа философии, г. Мюнхен, Германия) можно отнести к числу перспективных исследований, посвященных изучению, осмыслению и анализу истории русской мысли на Западе. Интересным представляется тот факт, что данное направление в настоящее время достаточно продуктивно развивается: только за последние несколько лет в России появились труды по изучению рецепции русской мысли во Франции, Италии, Польше, Чехии, Сербии и т.д.¹ Западное и в особенности немецкое «франковедение» занимает в этом ряду далеко не последнее место. Об особом внимании к творчеству С. Л. Франка, казалось бы, на первый взгляд «не до конца изученного» и не настолько популярного на Западе, как, к примеру, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, Л. И. Шестов, Н. А. Бердяев, М. М. Бахтин и др., свидетельствует, в частности, библиография его работ (в том числе выпущенных в переводе на иностранные языки), а также зарубежных исследовательских трудов о нем, составленная в 2012 г. О. А. Назаровой². При этом нельзя также не отметить, что данный список за прошедшие с момента его составления годы значительно вырос (в особенности стоит упомянуть здесь труды польской исследовательницы Т. Оболевич³). Современная немецкая рецепция идей Франка, одним из ярких представителей которой является и автор рецензируе-

* Подготовлено в рамках гранта Фонда развития ПСТГУ № 01-0718/н «С.Л. Франк между неокантианством и абсолютным реализмом: политика, культура, философия, религия».

¹ См.: *Маслин М. А.* Разноликость и единство в русской философии. СПб.: Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2017; *Кусенко О. И.* Историко-философские исследования русской мысли в Италии (XX–XXI вв.). М.: ИФРАН, 2018; *Ворожжихина К. В.* Лев Шестов и его французские последователи. М.: ИФРАН, 2016. и др.

² См.: *Назарова О. А.* Библиография трудов С. Л. Франка и исследований, посвященных его творчеству // Семен Людвигович Франк. М.: РОССПЭН, 2012. С. 495–571.

³ Особенно следует отметить недавно вышедшую книгу исследовательницы: *Оболевич Т.* Семен Франк. Штрихи к портрету философа. М.: ББИ, 2017.

мой книги, представляется нам отнюдь не случайной, учитывая плодотворные годы, проведенные русским мыслителем в Германии после высылки из России (1922–1937), на протяжении которых он состоял в тесном контакте и переписке с такими мыслителями, как: Л. Бинсвангер, М. Шелер, М. Бубер, Ф. Хайлер и др. Это, наравне с постоянным обращением Франка к немецкой философии, не говоря уже о творчестве Николая Кузанского, которого сам русский мыслитель называл своим «единственным учителем», позволяет многим современным исследователям говорить о нем как о «блестящем знатоке немецкой философии»⁴ (Н. В. Мотрошилова) и «самом немецком из русских философов» (Г. Е. Аляев)⁵. Стоит отметить также, что большинство современных зарубежных работ, посвященных изучению идей С. Л. Франка, по справедливому замечанию О. А. Назаровой и переводчика рецензируемого труда А. С. Цыганкова, написаны в строго-философском ключе, что было нехарактерно для исследований по истории русской мысли на Западе еще 10–20 лет назад, когда почти вся русская религиозная философия воспринималась сквозь призму славистики (справедливым примером чего может служить творчество Л. Мюллера, одного из издателей немецкого собрания сочинений В. С. Соловьева)⁶. Интересная мысль также высказывается переводчиком работы в предисловии к ней: по его мнению, в наше время происходит постепенная «смена вектора» философской рецепции в контексте диалога России и Запада: раньше на протяжении веков в России пристально изучались идеи И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, Ф. В. Й. Шеллинга и других «классиков» немецкой мысли; сейчас же мы можем видеть все возрастающий «обратный интерес» со стороны немецких ученых к наследию русских мыслителей; хотя, как совершенно справедливо отмечает Цыганков, эти два направления философской рецепции ни в коем случае нельзя считать «эквивалентными» друг другу.

Как раз к таким строго научным немецкоязычным работам, посвященным изучению наследия С. Л. Франка, можно отнести труды таких ученых, как: А. Хаардт⁷, К. Бамбауэр, Б. Халленслебен, а также работы самого автора рецензируемой работы П. Элена⁸ (род. 1934), представителя католической религиозной метафизики, относимого многими исследователями к «мюнхенской школе»⁹ со-

⁴ Мотрошилова Н. В. О немецком издании сочинений С. Л. Франка // «Самый выдающийся русский философ»: Философия религии и политики С. Л. Франка: Сборник научных статей / К. М. Антонов, сост. М., 2015. С. 41.

⁵ Аляев Г. Е. О философском методе С. Франка (феноменология не по Гуссерлю) // Идеиное наследие С. Л. Франка в контексте современной европейской культуры / В. Порус, ред. М., 2009. С. 28.

⁶ См.: Цыганков А. С. Петер Элен как исследователь философского наследия С. Л. Франка (предисловие) // Элен П. Онтология и антропология С. Л. Франка / А. С. Цыганков, пер. Н. П. Волкова, ред. М., 2017. С. II; Назарова О. А. Современные немецкие исследования творчества С. Л. Франка // Мысль. 2014. Вып. 16. С. 161.

⁷ Автор перевода магистрального труда Франка «Непостижимое» на немецкий язык: «Das Unergründliche. Ontologische Einführung in die Philosophie der Religion» (1995).

⁸ Подробнее об этом см.: Назарова. Современные немецкие исследования... С. 161–174.

⁹ О наличии двух «школ»: «мюнхенской» (П. Элен, Д. Штаммер, А. Сомбат) и «бохумской» (А. Хаардт, К. Бамбауэр, А. Рёрих) немецкого франковедения см. подробнее: Цыганков А. С. Философское осмысление творческого наследия С. Л. Франка в Германии: основные представители и направления // Парадигма. 2017. Вып. 27. С. 38–50.

временного немецкого франковедения. Труды Элена неоднократно выходили в переводе на русский язык¹⁰, но при этом рецензируемая работа является всего лишь второй монографией ученого, вышедшей в России¹¹. Интересным фактом можно назвать и то, что данная работа в оригинале представляла собой «введение» к четвертому тому восьмитомного немецкоязычного собрания сочинений С. Л. Франка, в подготовке которого в числе прочих специалистов принимали участие Ф. Буббайер, Л. Люкс, Н. В. Мотрошилова, А. А. Гусейнов и др., предваряя собой публикацию труда русского мыслителя «Реальность и человек»¹².

В предисловии к рецензируемой работе переводчик дает краткий экскурс в историю современного западного (и немецкого, в частности) франковедения, начиная с 1970-х гг. и до нашего времени, описывая также место и роль в его контексте автора настоящей книги Петера Элена. Для читателя интересным моментом здесь должны стать замечания самого профессора Элена касаясь публикации данной работы (с. IX–X). Обосновывая как свой собственный интерес к учению Франка, так и значимость идей русского мыслителя в контексте западной философии, немецкий ученый видит его уникальную роль в «новом обосновании гуманизма» и трактовке христианства как универсальной «религии человечества», что приобретает особую актуальность в свете продолжающегося с середины XX в. и с годами все более усугубляющегося духовного «кризиса западной культуры»¹³.

Сама книга П. Элена состоит из введения и 15 разделов, где автором последовательно раскрываются основные моменты учения его «героя». Во введении, кратко обозначая основные вехи биографии и творческого пути Франка, Элен прослеживает эволюцию его взглядов — в частности, это касается его «метафизики человеческого бытия» и концепции *гуманизма*. Элен также анализирует путь духовных исканий Франка и становления его идей в контексте разнообразных «влияний, сформировавших его мышление» (с. 4). В число такого рода «влияний» входят, по мнению автора, идеи таких философов, как: Николай Кузанский, блаженный Августин, Б. Спиноза, Р. Декарт, И. Кант, И. В. Гёте, В. Виндельбанд, В. Дильтей, Ф. Д. Шлейермахер, Ф. Brentano, Э. Гуссерль, У. Джеймс, А. Бергсон, М. Бубер, Ф. Эбнер, Ф. Розенцвейг, М. Шелер, М. Хайдеггер, Э. Кассирер и др. Из русских мыслителей Элен признает несомненным влияние на Франка учения о «живом знании» славянофилов (и в частности И. В. Киреевского) и концепции «всеединства» В. С. Соловьева; отношения же с современниками, по мнению исследователя, были у русского философа достаточно прохладными: «Если гений Соловьева, в конце концов, нашел свое признание у Франка, то его отношение к тем русским философам и богословам, которые участвовали в дискуссиях, происходивших в России до окончательного взятия власти большевиками, было дистанцированным и холодным. Павел Флоренский не упоминается

¹⁰ Краткий обзор работ П. Элена представлен на с. IV–VI, в предисловии к рецензируемому изданию.

¹¹ Первая вышла в 2012 г. в переводе и под редакцией О. А. Назаровой: *Элен П. Семен Л. Франк: Философ христианского гуманизма* / О. А. Назарова, пер. М., 2012.

¹² *Ehlen P. Zur Ontologie und Anthropologie Simon L. Franks // S. L. Frank. Die Realität und der Mensch. Eine Metaphysik des menschlichen Seins. Freiburg; München, 2004. S. 11–121.*

¹³ См.: *Цыганков. Петер Элен как исследователь... С. IX–X.*

в текстах Франка, по отношению к Н. А. Бердяеву с годами все больше увеличивается разрыв» (с. 12).

Свое исследование собственно религиозной метафизики Франка Элен начинает с онтологии и гносеологии. Причисляя Франка вслед за ним самим к «секте платоников» (с. 14), Элен выделяет в качестве основного лейтмотива его онтологического учения (в особенности это очевидно, полагает он, из работ мыслителя «Предмет знания» (1915) и «Реальность и человек» (1949)) «платоновский вопрос» о «сущем», о том, что «действительно есть» (*ὄντως ὄν*), или об «истинном бытии» (с. 15–16). Именно этот вопрос у Франка является основой представлений о *реальности* и месте *человека* в ней, а также о способе ее истинного постижения, которым, по мнению философа, может являться только «живое знание», противопоставляемое им рассудочному «понятийному» способу познания. Следовательно, — развивает свою мысль Элен далее, — именно учение Платона лежит в основе «метафизики человеческого бытия», которая, в свою очередь, является «фундаментом» «франковской антропологии» (с. 18). Важно также отметить здесь, — полагает исследователь, — разграничение у Франка понятий *реальности* и *действительности*, из которых первое выделяется им как нечто вечное и безграничное, второе же рассматривается как нечто, непосредственно данное нам в ощущениях «здесь и теперь». Опыт «общения» с реальностью человеческое «Я», по Франку, получает в столкновении с «Другим Я», которое в процессе этого общения становится «Ты» (в этом Элен усматривает параллель с принципом *transcensus* Николая Кузанского и доказательством бытия Бога Р. Декарта). «Живое знание» Франка, по Элену, раскрывается в двух «разных способах», позволяющих человеку «приблизиться к Абсолюту». Этими «способами» являются: «аурное описание» (осуществляющее «приближение к Абсолюту» «посредством языка» в поэзии и художественном творчестве) и «трансцендентальное мышление» (непосредственное «схватывание» Абсолюта в рамках «умудренного неведения» Николая Кузанского) (с. 42). Элен «вписывает» концепцию Франка о «первооснове бытия» как «имманентно-трансцендентной» и «непостижимой в понятиях» *реальности* в дискуссии, имевшие место быть в западной философии религии начала XX в. Особое значение, полагает он, имеют в данном контексте «философия символических форм» Э. Кассирера и «фундаментальная онтология» М. Хайдеггера. «Философский диалог» Хайдеггера и Франка (которому в рецензируемом издании посвящена отдельная глава) при этом рассматривается Эленом в том числе на основе анализа переписки русского философа с швейцарским психиатром Л. Бинсвангером, частично опубликованной Н. С. Плотниковым¹⁴. В заключительных главах своей работы Элен переходит к анализу «последней части» антропологии Франка, а именно: к вопросу о религиозном опыте, возможности общения человека и Бога, проблеме свободы воли, вопросу о природе творчества, а также проблеме зла и страдания, их места и роли в мире. Особое внимание здесь Элен обращает на концепцию «страдающего Бога» у Франка,

¹⁴ См.: *Plotnikow N. Heidegger-Rezeption in Rußland: Semen L. Frank und Ludwig Binswanger // Daseinsanalyse. Zeitschrift f. phänomenologische Anthropologie und Psychotherapie. 1994. Ht. 11. S. 113–131; Плотников Н. С. Л. Франк о М. Хайдеггере. К истории восприятия Хайдеггера в русской мысли // Вопросы философии. 1995. Вып. 9. С. 169–185.*

«страдание» которого вызывается «противодействием» или «игнорированием» Божественной самоотдачи в процессе «интимного личного отношения» Бога и сотворенного Им мира (с. 125). Отголоски и параллели этой концепции Франка Элен находит в западной теологии XX в., в особенности выделяя здесь фигуры К. Ранера и П. Тиллиха. Общий вывод, к которому приходит в своей работе Петер Элен, можно назвать отчасти парадоксальным: в переосмыслении Франком принципов «умудренного неведения» Николая Кузанского и «неизведанного» И. В. Гёте, а также в опыте его личной судьбы со всеми нелегкими испытаниями, выпавшими на его долю, Элен видит «ответ на вызов» Ф. Ницше, сформулированный в его известной работе «Так говорил Заратустра»: всматриваться в «непостижимое жизни» (с. 137–139). Франк, подытоживает Элен, вполне справился с этим «вызовом», опираясь при этом, в отличие от «бросившего» этот «вызов» немецкого философа, на Священное Писание и Новый Завет, свидетельством чему может служить основной девиз русского мыслителя, ставший затем заглавием еще одной его крупной работы, — «Свет во тьме» (1949).

Но стоит также отметить, что при всей неоспоримой фундаментальности тем, затрагиваемых в рецензируемой работе, ее нельзя назвать полностью свободной от недостатков. К таковым, в частности, можно отнести «вторичность» некоторых тем и сюжетов, затрагиваемых здесь Эленом по отношению к его же прошлым работам (это касается в первую очередь уже известной русскому читателю книги «Семен Л. Франк: Философ христианского гуманизма», вышедшей в переводе Назаровой). На первый взгляд, можно подумать, что многие разделы этих двух книг в смысловом плане перекликаются между собой. Это касается разделов о соотношении «аурного описания» и «ученого незнания» (или, в переводе Цыганкова, «неведения»), концепции «страдающего Бога», учения о свободе, творчестве, теодицее и т.д. Совсем неискушенному читателю также может показаться, что в работе 2012 года эти вопросы проработаны более детально, о чем можно судить даже по ее объему, в два раза превышающему рецензируемый труд. Но не стоит забывать здесь о двух принципиальных моментах: во-первых, предметом анализа в книге Элена, переведенной Назаровой, явилось все творчество Франка в целом, тогда как настоящий труд был посвящен главным образом исследованию нюансов работы русского мыслителя «Реальность и человек»; во-вторых, хронологически настоящий рецензируемый труд был выпущен в виде предисловия к четвертому тому немецкоязычного Собрания сочинений Франка раньше (в 2004 г.), и можно предположить, что в этом плане он в значительной степени явился «фундаментом» для более поздней работы Элена «Семен Л. Франк: философ христианского гуманизма»¹⁵.

Следует отметить также, что сам перевод рецензируемой работы тоже не свободен от некоторых не до конца проясненных для читателя моментов. Так, при обращении к русскоязычному изданию фундаментальной работы М. Хайдеггера «Бытие и время» не указывается, в каком переводе оттуда берутся цитаты: В. В. Бибихина или И. А. Михайлова. В то же время при цитировании переводов других авторов на русский язык, к примеру Николая Кузанского, ссылка

¹⁵ *Ehlen P. Russische Religionsphilosophie im 20. Jahrhundert: Simon L. Frank. Das Gottmenschliche des Menschen. Freiburg, 2009.*

на переводчика — В. В. Биbihина — присутствует. В свете особого отношения к русскоязычным изданиям работ Хайдеггера и неутрачивающих вокруг них споров в исследовательской среде этот на первый взгляд несущественный нюанс представляется нам довольно важным.

Тем не менее перечисленные недостатки являются по своей сути незначительными и не могут «затмить собой» ценность данной работы как самостоятельного и цельного исследования. Остается надеяться, что переводы работ Петера Элена, равным образом как и других его зарубежных «коллег» — исследователей истории русской философии, в своих работах являющих нам превосходный пример строгого научно-академического стиля, будут продолжать выходить в России, что не в последнюю очередь может поспособствовать укреплению продуктивного диалога современной русской и западной философии, открытию новых «параллелей» между учением русских и западных мыслителей, а также открытию ранее неизвестных исторических фактов и теоретических аспектов их наследия. Рецензируемая книга профессора Элена, таким образом, будет весьма полезна как для специалистов-франковедов, так и для более широкого круга читателей, интересующихся историей русской мысли.

Бердникова Александра Юрьевна,
канд. филос. наук,
науч. сотрудник
Института философии РАН
Российская Федерация, 109240,
г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1
alexser015@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1607-5061

Aleksandra Berdnikova,
Candidate of Sciences in Philosophy,
Researcher
Institute of Philosophy
of the Russian Academy of Sciences,
12/1 Goncharnaya Str., Moscow,
109240, Russian Federation
alexser015@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1607-5061

Рец. на: Лексикон Библијске егзегезе / Р. Кубат, П. Драгутиновић, прир. Београд: Библијски институт Православног богословског факултета Универзитета у Београду, 2018. 534 с.

Rev. or.: Лексикон Библијске егзегезе / Р. Кубат, П. Драгутиновић, прир. Београд: Библијски институт Православног богословског факултета Универзитета у Београду, 2018. 534 с.

В 2018 г. в Белграде был издан *Лексикон библейской экзегезы* под редакцией доктора богословия Родолюба Кубата и доктора богословия Предрага Драгутиновича, преподавателей Отделения библейского богословия Православного богословского факультета Белградского университета. Выход в свет Лексикона представляет собой значимое событие для сербской библеистики, но, как представляется, важно и для православного богословия в целом.